

Алексей ЛЕСКОВ

ДАШЫ!

орую несет зараженная
власть «с Лениным в
мом в руке» (Маяков-
крестьянина?
отноюдь не свойст-
ному. Не с мес-
Сибирь ватага
вой возглавлял
— беглые,
свали дру-
васшабаш-
раз на-
то Бог
ке»).

... может
... 1880 г.).
... смысл
... военно-
... перед
... в не
... было
... ХVIII
... Польши,
... походо
... пре-
... рево-
... стр
... раздел
... Северн
... с Се-
... опасен
... миро
... рево-
... личност
... наше
... сил
... выража
... разгул
... пьянств
... русск
... жизнь
... выража
... раба, не
... свободо
... это раз
... говори
... мерка
... нраво
... когда
... меркой
... обыча
... от колы
... повин
... составля
... отлич
... гражда
... (М. С. Лу
... 1839 г.).

Р
ни
этот
генда
быть л
решла
бы в

А.М.П.

Памяти А.М. Пескова

Москва
2013

УДК 82(091)
ББК 83.3(2)я43
А 61

Редколлегия:

*А.С. Бодрова, С.Н. Зенкин, Е.Э. Лямина, Н.Н. Мазур,
В.А. Мильчина, Н.М. Сперанская*

Художник
Михаил Гуров

Книга подготовлена к изданию
при финансовой поддержке Е.В. Островского

ISBN 978-5-7281-1373-7

© Коллектив авторов, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

Содержание

[От редколлегии] 7

[I]

<i>Т.И. Смолярова</i>	
Буало, Лонгин, чудесное	11
<i>А.В. Каравашкин</i>	
Литературный этикет и свобода творчества (о специфике древнерусской книжной культуры)	21
<i>А.Л. Юрганов</i>	
О реконструкции символической коммуникации в миниатюрах Лицевого летописного свода Ивана Грозного	34
<i>Л.А. Трахтенберг</i>	
Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков: формирование жанра	50
<i>Т.Е. Абрамзон</i>	
Эпитафия И.К. Голеневского: мемориальный дискурс «ломоносовского текста»	69
<i>А.Б. Каменский</i>	
К проблеме сословности в России XVIII века (воспоминания и размышления)	79
<i>А.В. Жуковская</i>	
Служить бы рад, работать тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов»)	94
<i>Е.Н. Марасинова</i>	
«Тогда не то, что ныне, при государыне служил Екатерине» (по страницам «Горя от ума»)	109
<i>А.Д. Ивинский</i>	
Екатерина Великая и Фридрих II: к вопросу об источниках «Наказа»	127

...	590
...	620
...	622
...	625
...	630
...	641
...	646

A 61 **А.М.П. Памяти А.М. Пескова / Редкол.: А.С. Бодрова, С.Н. Зенкин, Е.Э. Лямина, Н.Н. Мазур, В.А. Мильчина, Н.М. Сперанская. М.: РГГУ, 2013. 656 с. ISBN 978-5-7281-1373-7**

Сборник памяти А.М. Пескова (1953–2009) составили статьи его коллег и учеников, работающих ныне в университетах России, США, Великобритании и Франции. Представленные здесь материалы развивают основные направления поисков ученого: русская история и литература XVIII и первой трети XIX века, вопросы смены литературных направлений и их преемственности. Мемориальные заметки воссоздают образ А.М. Пескова как исследователя, литератора и педагога.

Для специалистов-гуманитариев и всех интересующихся историей и литературой.

**УДК 82(091)
ББК 83.3(2)я43**

Научное издание

А.М.П.
Памяти А.М. Пескова

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ.
Протокол № 36 от 22 июня 2011 г.*

Редактор *Е.П. Шумилова*
Художественный редактор *М.К. Гуров*
Корректор *Л.П. Бурцева*
Компьютерная верстка *О.Б. Малахова*

В оформлении переплета использована
«Литературная газета», 1990, № 47.
На контртитule А.М. Песков. Фото *Н. Четвериковой*

Подписано в печать 14.01.2013
Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 55,0. Усл. печ. л. 53,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 3116

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-4206

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

К проблеме сословности в России XVIII века
(воспоминания и размышления)¹

Судьба личности в истории и ее социальная роль в значительной мере определяются принадлежностью к той или иной социальной группе, и если, благодаря таланту и усердию, человеку удастся преодолеть границы группы, к которой он принадлежит по рождению, его биографы с полным основанием акцентируют внимание читателей на этом факте. Так, к примеру, ни одна биография М.В. Ломоносова не обходит вниманием его происхождение, причем в советское время было предпринято немало усилий представить «великого помощника» выходцем из самых низших социальных слоев, что должно было подчеркнуть его «народность». С другой стороны, сословная принадлежность того или иного персонажа прошлого нередко формирует в голове исследователя стереотипные представления о ментальных установках и жизненной стратегии его героя ничуть не в меньшей степени, чем графа «социальное происхождение» у работников отделов кадров советского времени. Вполне понятно, что подобный подход характерен для, мягко говоря, не самых искушенных исследователей, но проблема еще и в том, что социальная структура русского дореволюционного общества далеко не столь очевидна, как иногда представляется. В полной мере это относится и к XVIII – первой половине XIX века – периоду, когда она, казалось бы, приобрела четкость, структурированность и законодательно оформленный сословный характер. Интерпретацию этого факта в научной литературе можно описать как своеобразные «приключения сословий в России», которые, на мой взгляд, являются яркой иллюстрацией того, что одной из серьезнейших проблем нынешнего этапа изучения российской истории является используемый исследователями понятийно-категориальный аппарат.

Много лет назад, когда я собирался защищать кандидатскую диссертацию, передо мной встала проблема ее названия. Предметом моего исследования были труды русских историков XVIII века по

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 году.

истории русского дворянства. Но слово «дворянство» в названии диссертации считалось в то время недопустимым. Обращение за советом к председателю диссертационного совета Историко-архивного института Н.П. Ерошкину привело к тому, что в названии диссертации появилось весьма странное лексическое сочетание из трех слов – «правящий класс-сословие». Когда Ерошкин в первый раз его произнес, я был так поражен, что не нашел слов для возражений, но, готовясь к защите, больше всего боялся, что кто-нибудь из членов совета поинтересуется, что собственно имеется в виду? Однако все члены совета оказались людьми достаточно мудрыми, чтобы не демонстрировать друг перед другом своего незнания элементарных марксистских истин. Так или иначе, но впоследствии, когда меня спрашивали о теме моей кандидатской диссертации (а на титульном листе значилось еще восемь слов), я всегда старался не воспроизводить название, а пересказывать его своими словами.

Некоторое время спустя, приступая к изучению эпохи Екатерины Великой, и в частности ее преобразований, я, в то время еще не владевший никакой иной терминологией, кроме той, которой пользовалась вся советская историческая наука, оказался перед проблемой определения того, что именно пыталась создать Екатерина своими реформами в социальной сфере. К счастью, именно в это время эпоха советской историографии стала клониться к закату, и в наши головы стали проникать разные крамольные мысли. Постепенно у меня сложилось представление, изложенное во многих моих работах, что основной целью реформ Екатерины было формирование в России полноценных сословий европейского типа, или того, что принято называть «юридическими сословиями» (*judicial estates*). Отстаивая эту позицию, нужно было соответственно доказывать, что до этого времени сословий в России не было. Сразу надо сказать, что собственно никакой «Америки» я не открыл: подобный взгляд на историю сословий в России преобладал в русской дореволюционной историографии и в работах ряда западных историков-русистов. Однако в самой России подобный взгляд на сословия всегда встречал определенное сопротивление, причем не только со стороны тех, кто укрылся в последних марксистских окопах, но и тех, для кого последний рубеж обороны обозначался понятием «феодализм»².

Поскольку современной российской ситуации свойственна сегментированность, разобщенность научного сообщества и отсутствие серьезных дискуссий, то со временем, открывая ту или иную работу, я научился с первого взгляда определять «своих» и «чужих» просто по используемой терминологии. Причем надо признать, что «чужих» до сих пор значительно больше. И не потому, что точка зрения моя

²Примечательно, что эта категория историков фактически проигнорировала появление на русском языке ключевой для данной темы статьи американского исследователя Г. Фриза (*Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период / Антология. Самара, 2000. С. 121–162*), в которой, в частности, рассматривается и история самого понятия «сословие».

и моих сторонников неубедительна, а скорее потому, что в большинстве своем историки, занимающиеся эмпирическими исследованиями, попросту не задумываются над значением слов, которыми пользуются. Своеобразной иллюстрацией к сказанному может служить недавно вышедшая монография Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословное общество Российской империи»³. Данная книга представляет собой внушительный труд объемом в 47 печатных листов, и сразу скажу, что это действительно капитальное, очень интересное, богатое фактическим материалом исследование, которое стоит рассматривать как своего рода важную веху в изучении соответствующей проблематики. Книга состоит из девяти глав, две из которых посвящены дворянству, две – городским сословиям и по одной – Российскому императорскому дому, духовенству, крестьянству, казачеству и инородцам. Уже это обнаруживает авторскую позицию, согласно которой в качестве самостоятельных сословий рассматриваются члены императорской семьи и инородцы. Общие же представления авторов, которые легли в основу исследования, содержатся во «Введении» к книге.

Исходная идея авторов выглядит так: сословия возникают на определенном этапе развития традиционного общества в результате «преодоления родоплеменных и общинных связей» и «развития феодальных отношений». По мере трансформации традиционного общества в индустриальное происходит «разложение сословий и складывание новой, классовой структуры»⁴. Далее авторы дают краткий обзор существующих точек зрения. При этом они отмечают, что «до середины XVII в. существовала слабая социальная дифференциация общества», и тут же, несколькими строчками ниже, пишут: «Прав А.Б. Каменский, отмечая, что, хотя уровень социальной стратификации русского общества был весьма высок, термин “сословие” вряд ли отражает особенности этой стратификации»⁵. Как бы не замечая этого противоречия, они затем признают наличие «отдельных сословных различий» в допетровский период, но объясняют, что начинают свое исследование с XVIII века, считая его «началом принципиально нового этапа в эволюции традиционного общества и в формировании сословий»⁶. Таким образом, авторы монографии вроде бы солидарны с моей точкой зрения о том, что сословия в России появляются только в XVIII веке, но одновременно не вполне уверены в том, что их не было и раньше. Далее возникает еще одно противоречие. Авторы пишут, что «сословия появляются тогда, когда на смену существующей возможности для человека свободно изменить свой социальный статус приходит оформленная официальным законом регламентация занятий, обязанностей и прав населения»⁷. Из этого, как можно понять, должно следовать, что социальный

³ *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 8–9.

строй, предшествующий появлению сословий, обладал более высоким уровнем социальной мобильности, однако затем авторы констатируют: «Наше исследование показало, что длительное существование сословий способствовало превращению их в особые социальные образования, отличавшиеся социальной мобильностью...»⁸.

Если вернуться к исходному тезису авторов о сословиях как продукте развития феодальных отношений, то, следуя их логике, надо предположить, что именно это происходило в России XVIII века. Поскольку применимость концепта «феодализм» к русской истории – это еще одна серьезная дискуссионная проблема, не стану останавливаться на этом подробно. Отмечу лишь, что причина возникающей путаницы, как мне кажется, заключается в попытке соединить несоединимое или, по крайней мере, то, что соединяется плохо, – концепт феодализма в вполне марксистском или, правильнее сказать, советском его понимании с восходящими к М. Веберу концептами традиционного и индустриального общества, а также понятие «сословие» в его классическом значении с марксистским же пониманием «классы»⁹. В результате получается довольно гремучая смесь, во всяком случае очевидно, что стройной и непротиворечивой теоретической основы исследования не просматривается. Интересно при этом, что, по крайней мере во «Введении», ни разу не употреблено модное ныне слово «модернизация», под которой обычно и понимают трансформацию традиционного общества в индустриальное. Можно предположить, что по умолчанию авторы не считают, например, модернизацией реформы Петра Великого.

Пример с книгой Ивановой и Желтовой приведен не для того, чтобы, цепляясь к мелочам, покритиковать коллег, которые в действительности написали замечательную книгу, представляющую собой глубокое исследование, но дабы продемонстрировать на этом примере, с одной стороны, зависимость современного исследователя от теоретической неразработанности базовых понятий русской истории, а с другой – то, как без этой основы попытки теоретизирования заводят в своеобразный тупик. Ведь эмпирический материал заставляет делать выводы, расходящиеся с положенными в основу исследования теоретическими положениями.

Однако дело не только в неопределенности используемых понятий, но и в той исторической реальности, которая за ними скрывается и которая в действительности была много сложнее, чем кажется. Выход из этой ситуации на данном этапе развития исторической науки – в максимальном накоплении эмпирических данных, причем касающихся не только правового и экономического положения отдельных социальных групп или сословий, но и их взаимодействия. Подобные данные чрезвычайно важны, и без них изучение этой проблематики, конечно же, невозможно. Причем важнейший

⁸ Там же. С. 13.

⁹ На одной из дискуссий последнего времени я был, откровенно говоря, поражен, когда один весьма почтенный коллега заявил, что сословий в допетровской, в частности в Древней Руси, действительно не было, но зато были классы!

вопрос — это самосознание тех или иных социальных слоев, их самоидентификация.

Определенные достижения на этом пути уже имеются. В последние несколько лет мне неоднократно приходилось выступать с докладами и писать о современном состоянии отечественной историографии России XVIII столетия¹⁰. При этом подчеркивалось, что в течение двух постсоветских десятилетий произошел своего рода «исследовательский бум»: за это время было издано больше новых книг и монографий об этом периоде русской истории, чем за все советское время. Сегодня мы вправе констатировать, что в результате образ России XVIII века серьезно изменился; он стал гораздо более объемным и многогранным, а наше понимание этой эпохи и знания о ней значительно более глубокими и детальными. Важно при этом отметить, что дело не только в том, что, отказавшись от историографических стереотипов советского времени, историки сумели переоценить и переосмыслить многие суждения о русском XVIII веке, но произошло реальное приращение нового знания, что позволяет говорить о качественных изменениях историографической ситуации. Конечно, история любого периода таит в себе бесчисленное множество сюжетов и проблем, привлекающих внимание новых поколений историков, а выводы и наблюдения, сделанные сегодня, рано или поздно подлежат верификации и пересмотру, ведь не имея возможности предвидеть будущее, мы не знаем, какие проблемы прошлого будут интересны завтра, что, собственно, и обеспечивает непрерывное существование и развитие науки.

Важно при этом, что наряду со многими работами, написанными в традиционном русле политической или социально-экономической истории, появились и работы, которые условно можно назвать антропологически ориентированными. Среди них, в частности, работы А.С. Лаврова и Е.Б. Смилянской о религиозности, О.Е. Кошелевой — о жизни первых петербуржцев, Е.Н. Марасиновой — о самосознании русского дворянства, Н.В. Козловой — о купечестве, О.И. Елисейевой — об эпохе Екатерины Великой, К.А. Писаренко — о Елизавете Петровне, И.П. Кулаковой — об университетской среде, Е.В. Акельева — о криминальном мире Москвы и др. Авторы этих работ, в той или иной степени испытавшие влияние новейших достижений современной исторической науки, сумели сформулировать новые исследовательские задачи, ввести в научный оборот новые комплексы источников, апробировать на российском материале новые для нашей науки методики, рассмотреть хорошо известные и, казалось бы,

¹⁰ См.: Каменский А.Б. История России XVIII века: проблемы изучения // XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация / Труды Гос. исторического музея. Вып. 148. М., 2005. С. 60–68; *Он же*. Современное состояние, проблемы и некоторые перспективы изучения истории России XVIII в. // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / *New Directions and Results in International Russistics*. Budapest, 2005. С. 129–132; *Он же*. Новое в историографии России XVIII века // Справочник учителя: История. 5–11 классы. М., 2008. С. 140–160.

хорошо изученные сюжеты в новой оптике, значительно расширить тематику исследований.

Использованные в названных работах подходы, связанные с микроисторией, историей повседневности, историей частной жизни и другими современными научными направлениями, как раз и способствуют накоплению того эмпирического материала, который необходим для прояснения проблемы сословности. Однако особенности развития отечественной историографии последних десятилетий таковы, что фактически она перескочила через очень важный для мировой науки этап. О том, что это был за этап, можно прочитать в вышедшей в 2004 году книге П.Ю. Уварова «Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам». В обширном историографическом введении к этой работе рассказывается о развитии социальной истории на Западе и, прежде всего, во Франции во второй половине XX века. Расцвет этого направления, когда оно занимало доминирующее положение в исторической науке, пришелся на 1950 – 1960-е годы. В 1970-е его стали постепенно теснить такие новые направления, как микроистория, локальная история, история повседневности, история семьи, детства, эмоций, гендерная история и проч., то есть все то, что у нас не вполне точно обычно ассоциируется с исторической антропологией. Когда к концу 1980-х годов отечественные историки обрели методологическую свободу, та социальная история, о которой пишет Уваров, уже отошла на второй план и претерпела определенную трансформацию. Российские историки, и прежде всего историки-русисты, пытаясь освоить недоступные им в советское время методологические достижения западных коллег, вполне естественно обратились в первую очередь к тем новым направлениям, которые занимали в это время приоритетные позиции. В результате целый этап в развитии исторической мысли оказался в нашей науке как бы пропущенным. Между тем, как ясно показано Уваровым, генеалогия ставших столь популярными антропологически ориентированных направлений и субдисциплин тесно связана как раз с социальной историей 50–60-х годов XX века, и они в значительной мере опираются на ее достижения.

Центральным понятием для социальной истории, о которой идет речь, было понятие *общество*, а предметом изучения – его социальная структура в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Казалось бы, социальная структура средневековой Франции известна всем, даже не специалистам, еще со школьной скамьи. Однако основной вопрос, сформулированный работавшими в этой области учеными, звучал примерно так: в какой мере *реальными* были известные нам сословия французского общества – дворянство, буржуазия, крестьянство и духовенство? Методологически соответствующие исследования основывались на служившем своего рода отправной точкой рассуждений и научных поисков тезисе, что априорно о структуре французского общества ничего не известно и ее следует реконструировать на основе источников, давая возможность самим историческим акторам заявить о своей социальной принадлежности. Исходная гипотеза состояла в том, что социальное поведение людей, их жизненные стратегии, коммуникативная среда,

экономическое поведение, наконец, самоидентификация человека определялись множеством факторов, зачастую формировавших реальность, далекую или, по крайней мере, не вполне совпадавшую с их формально-юридическим статусом. Помимо этого, социальная структура общества в действительности была значительно более сложной, чем это обычно представляется. Внутри каждого из формальных сословий существовало немало социальных групп, подчас очень различавшихся между собой по образу жизни и самосознанию.

Подобная постановка проблемы, на мой взгляд, может стать весьма плодотворной и по отношению к русскому обществу XVIII века. Уже Г. Фриз в упомянутой статье, опубликованной впервые в 1986 году, писал, что государство «не только мирилось с разнородностью элементов внутри установленных им широких социальных категорий, но также само порождало и юридически оформляло новые наследственные группы внутри данной системы», в результате чего «такая социальная динамичность, терпимая и даже поощряемая государством, привела к аморфности, гибкости и усложненности сословной системы»¹¹. Новейшие антропологически ориентированные исследования, о которых говорилось выше, заставили вновь обратить внимание на существование социальных групп, плохо вписывавшихся в строго регламентированную структуру и при этом подчас игравших весьма активную социальную роль. Приведу несколько различных по масштабам, но характерных примеров.

Переведенное на русский язык и изданное в 2002 году исследование американского историка Э. Виртшафтер¹² фактически представило новый взгляд на значение категории разночинцев. Причем исследовательница показала, что практически на протяжении всего столетия руководствовавшаяся в первую очередь фискальными соображениями власть стремилась к ликвидации этой социальной группы, но так в этом и не преуспела, поскольку объективные процессы социально-экономического развития вновь и вновь порождали новых разночинцев, число которых только увеличивалось. Исследование тамбовского историка П.П. Щербинина¹³ обратило внимание на судьбы женщин-солдаток и их детей – довольно массовой категории, появившейся в России в результате создания регулярной армии. Сюда же следует отнести отставных солдат и обер-офицеров. Многие из них, как показано в работах Е.В. Акельева¹⁴, пополняли

¹¹ Фриз Г. Указ. соч. С. 141–142.

¹² Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. М.: Логос, 2002.

¹³ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XIX в. Тамбов, 2004.

¹⁴ Акельев Е.В. Московские карманники: организация преступных групп в середине XVIII в. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 46–48; Он же. Преступный мир Москвы. Два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 г. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 209–214; Он же. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. (по материалам

криминальную среду, другие попадали в инвалидные команды, третьи и вовсе меняли свой социальный статус, как, к примеру, упомянутый в моей книге о повседневной жизни городской провинции отставной солдат, вернувшийся в родной город в качестве фискала. В этой же книге мне удалось отчасти показать роль инвалидной команды в жизни города, однако очевидно, что это сюжет, заслуживающий специального изучения¹⁵. Своего рода прорывом в данной области можно считать вышедшую совсем недавно монографию Н.В. Козловой, посвященную обитателям богоугодных заведений¹⁶.

Но дело не только в том, чтобы констатировать факт существования в русском обществе XVIII века целого ряда не предусмотренных законодательством относительно многочисленных маргинальных групп. Важнее попытаться определить, кем ощущали себя сами представители сословий, чей социальный статус был формализован. Что, к примеру, представляло собой самосознание и образ жизни такой достаточно многочисленной социальной категории населения, как мелкие служащие центральных и местных учреждений? Наверное, я не ошибусь, если скажу, что в памяти сразу же возникает образ гоголевского Акакия Акакиевича, который, впрочем, жил уже в XIX веке. Если же мы попытаемся представить себе социальный портрет многочисленных чиновников более высокого уровня, как, например, отвечавших за различные отрасли управления, возникшие в русских городах после реформы 1775 года, тех, кто, к примеру, отвечал за деятельность приказов общественного призрения, служил в судах разных инстанций и т. д., то не исключено, что опять же будем вспоминать действующих лиц «Ревизора» Н.В. Гоголя, поскольку серьезных исследований этой темы не существует. А ведь речь идет о русской бюрократии; процесс бюрократизации управления считается составной частью процессов модернизации; о социальной роли русской бюрократии написано немало, а попыток написать ее, так сказать, антропологический портрет, в особенности на материале XVIII века, как уже сказано, нет. Примечательно, например, что бюрократия как отдельная социальная категория отсутствует в упомянутом выше труде Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, хотя, как уже упоминалось, в книге есть разделы, посвященные членам царской семьи и иностранцам, которые, соответственно, рассматриваются как отдельные сословия. Можно возразить, что основная масса чиновников, обладавших классным чином, принадлежала к дворянству. Но далеко не факт, что самоидентификация чиновника средней руки, в особенности если он не был дворянином по рождению, а выслужил чин и не владел поместьем и крепостными, была связана именно с дворянством, а не с принадлежностью к бюрократии. Во-вторых,

следственных дел по доносу Ивана Каина, 1741–1748) // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 510–518.

¹⁵ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006.

¹⁶ Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010.

множество чиновников многочисленных воеводских, а до 1775 года провинциальных канцелярий дворянского статуса не имели, зачастую были выходцами из городских слоев тех городов, где служили, были связаны с городской общиной семейными связями, но формально в нее не входили. Причем зачастую канцелярская работа была основным занятием нескольких поколений. Ощущал ли такой городской чиновник свое социальное превосходство по сравнению с близким родственником – простым горожанином – и сказывалось ли каким-либо образом различие в социальном положении на их взаимоотношениях? А ведь в городах были еще и, например, лекари и аптекари, существовали дворцовые служители, среди которых были бывшие горожане, бывшие крестьяне и т. д. Петровские реформы создали новую социальную категорию однодворцев, формально входивших в сословие государственных крестьян. Однако многие из них продолжали владеть крепостными крестьянами; некоторым после многолетних судебных тяжб удалось доказать принадлежность к дворянству, третьи добились его службой. Подчас ближайшими родственниками человека с генеральским чином были однодворцы. Как общались они между собой? Каковы были отношения в такой семье?

Исследования в области социальной истории, которым посвящена книга П.Ю. Уварова, основаны на нотариальных актах – массовых исторических источниках, в которых фиксировались разного рода правовые отношения. «Нотариусы, – как отмечает Уваров, – составляли не только завещания, брачные контракты или договоры купли-продажи. В конторах парижских мэтров составлялись акты о найме прислуги, договоры об отдаче в ученичество, купчие на приобретение муниципальных рент, любовные соглашения об отказе возбуждения процесса, договоры о возмещении ущерба за выбитый в драке зуб и т. д.» Лишь в одном Париже XVI века было около 400 нотариусов, а в XVIII веке их число возросло до 670. Общее же число составленных парижскими нотариусами XVI века актов, по подсчетам Уварова, более одного миллиона¹⁷. Непосредственным предметом исследования в нотариальных актах стали формулы, которыми их составители обозначали участников заключаемых соглашений: «...нотариальная практика свидетельствует об изначальном, идущем “изнутри” источника... стремлении определенным образом упорядочить действительность, присваивая отдельным индивидам имена нарицательные, точнее социальные имена, кого-то именуя “благородным”, а кого-то “почтенным человеком”, кого-то “мэтром-колпачником, парижским буржуа”, а кого-то “колпачником, проживающим в Париже на улице Сент-Оноре в доме под знаком Восходящего солнца”»¹⁸.

Нет необходимости объяснять, что для России не только XVI, но и XVIII века никакого даже близко похожего по объему комплекса подобных документов не существует. Но это не означает, что таких документов нет вовсе. Русские люди тоже писали завещания, вступали в брак, заключали разного рода сделки и проч. И в России также

¹⁷ Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. С. 72–73.

¹⁸ Там же. С. 71.

существовали специальные учреждения, оформлявшие соответствующие правовые акты. Другое дело, что выявление таких документов – чрезвычайно трудоемкая задача. Как отмечает Н. В. Козлова, «можно говорить о достаточной массовости сохранившихся в архивах семейно-правовых актов не только дворян (она не подлежит сомнению), но и непривилегированных городских сословий. Правда, эта массовость создается как итог немалых поисковых усилий»¹⁹.

Одним из источников, который мог бы стать основой для подобного исследования, являются векселя – документы, служившие для взаимных расчетов и перевода денег. Первый законодательный акт, регулировавший вексельное право, – вексельный устав – был опубликован в 1729 году, и с этого момента векселя постепенно стали приобретать все более широкое распространение. Выданные векселя нигде не регистрировались, но зато регистрировались опротестованные векселя, то есть те, что предъявлялись кредиторами в соответствующие инстанции в случае неуплаты долга. В учреждениях, в чью компетенцию входила организация судебной процедуры по взысканию долга, велись специальные погодные книги протестов векселей, куда копировались предъявленные кредиторами векселя, а иногда и подшивались подлинные.

На протяжении всего XVIII века формуляр векселя почти не менялся и включал следующие элементы: место и дата составления, срок, в который заемщик обязывался выплатить долг, имя кредитора, сумма долга, имя заемщика. При этом, как и во всех документах XVIII века, имена заемщика и кредитора сопровождалась обозначением их социального положения. В случаях, когда речь шла о достаточно серьезной сумме, у заемщика могли быть поручители, также расписывавшиеся на векселе. Если заемщик был грамотным, он, как правило, составлял вексель собственноручно; в противном случае это делал кто-то другой, что специально оговаривалось.

Как уже сказано, в XVIII веке векселя получили широкое распространение. Так, по сведениям В. Н. Захарова, «книга вексельных протестов по Петербургу за 1773 г. содержит 4019 записей»²⁰. Понятно, что столь внушительная цифра обусловлена значением столицы империи в российской торговле. По другим городам цифры будут много скромнее, но и они вполне репрезентативны. Так, мой собственный опыт работы с книгами протестов векселей по маленькому провинциальному Бежецку Ярославской губернии, хранящимся в фонде Бежецкого городского магистрата²¹, позволил создать

¹⁹ Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: МГУ, 2002. С. 9.

²⁰ Захаров В. Н. Роль западноевропейских купцов в развитии кредита в России в XVIII в. // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 230.

²¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 709. Оп. 1. Д. 69, 98, 124, 152, 181, 217, 262, 312, 367, 414, 445, 493, 580; Оп. 2. Д. 622, 636, 798, 870, 902, 962, 998, 1032, 1107, 1135, 1169, 1190.

базу данных, насчитывающую более 2 тыс. записей. Таким образом, о векселях можно говорить как о массовом источнике.

Векселя – источник, содержащий многоаспектную информацию о характере экономических связей, в том числе между представителями разных социальных слоев. Однако в данном случае нас интересуют, прежде всего, обозначения социального положения участников сделок, которые в силу обстоятельств составления векселей можно интерпретировать как их самоидентификацию. При этом вполне возможно, что в официальном документе, составленном в государственном учреждении, человек, чье имя встречается нам в векселе, может быть обозначен иначе – в соответствии с представлением о нем власти. Но в том-то и ценность данного источника, что мы имеем дело с самоназванием, с представлением человека о самом себе.

Поскольку в данном случае изучались книги протестов векселей небольшого провинциального города, подавляющее большинство участников отраженных в них сделок – жители Бежецка, которые, как и другие русские горожане, до 1775 года именовались купцами. Однако участниками сделок были и дворяне, и церковники, и крестьяне (помещичьи, монастырские, государственные), причем не только местные, но и из довольно широкого ареала. Здесь стоит оговорить, что само наименование социального статуса состояло в XVIII веке из двух элементов: собственно социальной принадлежности и географической привязки. Соответственно житель Бежецка фигурировал в векселях как «купец бежецкой», имя крестьянина всегда сопровождалось названием его села и деревни, а также сведениями о принадлежности этого села с полным наименованием монастыря (до секуляризационной реформы 1764 года), именем помещика, названием ведомства, если деревня была государственной, и т. д. Церковники указывали полное название собора или церкви, в которой служили, а также их места нахождения. Что же касается дворян, то само слово «дворянин» в самоназваниях встречается очень редко. Владелец поместья, как правило, называл себя «помещиком» с указанием уезда, где находилось его имение, и прибавлением военного или статского чина, а при необходимости слов «в отставке». Однако встречаются и исключения. Так, в 1747 году назвавшийся «недорослем» Александр Перский занял 2 рубля у солдата Бежецкой воеводской канцелярии Герасима Киселева. Трудно сказать, был ли Перский еще совсем юным и не определившимся в службу или вполне зрелым, но никогда не служившим человеком. В 1770 году «дворянин» Федор Мышенков «по повелению матери своей Стефаниды Андреевны Мышенковой» выписал вексель на 16 р. бежецкому купцу Ивану Омешатову. В данном случае очевидно, что Федор не мог назваться помещиком, поскольку имение скорее всего принадлежало матери; выслуженного чина у него также не было.

Но если сословная принадлежность Перского и Мышенкова сомнений не вызывает, то нередко в качестве участников сделок выступают и лица, чья принадлежность к тому или иному сословию определить совсем непросто. Так, особую категорию составляют приказчики и служители, как, например, «Соли Камской промышленника Максима Суровцева приказчик его Козьма Евдокимов»,

«служитель госпожи Парасковьи Никифоровны Корсаковой Иван Никифоров Кирилловский», «приказчик вотчины князя Козловского Иван Афанасьев Серебрянцев». Можно предположить, что приказчиками и служителями частных лиц могли быть горожане – лица формально свободные и работавшие по найму. Но у дворян приказчиками могли быть и дворовые, то есть формально крепостные. С другой стороны, крестьяне также могли наниматься в приказчики к горожанам. Показательно, однако, что самоназвание содержит лишь должность без указания формального социального статуса и только в одном встретившемся мне случае имеется и то и другое: «дому господина порутчика Александра Володимеровича Нарбекова служитель и города Соли Камской купец Михайла Филатов».

Однако «служители» могли быть на службе не только у частных лиц, но и у церкви. При этом среди них различаются две категории – служители монастырей и монастырских вотчин. Так, в качестве участников сделок, зафиксированных в бежецких книгах протестов векселей, встречаются служитель Новодевичьего монастыря Михаил Хертов и служитель Введенского монастыря Иван Левитов, а также служители монастырских вотчин Иван Филатов Мешков и Василий Овдокимов Москвитин. Встречается в документах и «управитель» монастырской вотчины Иван Федотов Шлячковской. Между тем некто Александр Петров Антонов обозначил себя как «служка» монастырской вотчины, а Петр Назаров Антонов как «слуга». Слугой, но уже экономической, а не монастырской вотчины назвал себя в 1766 году Яков Алексеев Екиманской. Очевидно, что все эти самоназвания неслучайны и использовавшие их люди хорошо понимали различия как между служителем, слугой и служкой, так и в своем социальном статусе. На современный слух служитель выше статусом двух остальных, однако Словарь Академии Российской объясняет, что служитель – это «крепостной человек, или наемной у кого либо служащий», слуга – это «человек крепостной или вольной из платы кому служащий», а служка – «тот, кто приписан к монастырю какому для прислуг»²². Различие между служителем и слугой, таким образом, остается по-прежнему неясным, да и каков статус «приписанного» к монастырю человека, требует дальнейшего изучения.

Еще большую загадку представляет собой, например, сословная принадлежность холстомера Петербургской таможни Семена Макарова, «погоста Кошева корельскаго щетчика» Василия Иосифова и явившегося как бы из будущего XIX века «земского поверенного» помещичьего села Ивана Семенова Толескина. В ряде случаев социальная принадлежность составителя векселя определяется не его собственным положением, а через родство, как, например, в случае со «служным сыном» Василием Евдокимовым и «дьячковым зятем» Дорофеем Стефановым. Последний случай особенно примечателен, поскольку, как известно, статус церковников распространялся на их детей, но чтобы человек мог обрести этот статус, женившись на дочери или сестре церковника, такого закон не предусматривал.

²² Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 5. М., 2005. Стб. 5546 552.

Весьма распространенным термином, использовавшимся для обозначения социального статуса, оказывается слово «жилец/житель» или «жилица», причем так могли себя называть и городские, и сельские жители. Например: «житель» монастырского села Захар Артемьев Колобов, «житель» монастырской слободы Федор Михайлов Усинин, «жилица города Устюжны Железопольской» Устинья Иванова Гладышева, «Устюжская посадская жилица вдова Анна Иванова Копотова» или «салдацкой сын города Бежецкаго житель» Семен Игнатьев. Если применительно к городским жителям речь, скорее всего, идет о тех, кто в официальных документах именовался разночинцами, то Захар Колобов должен был бы быть крепостным монастырским крестьянином, однако его самоназвание указывает на статус человека, свободного от крепостной зависимости и одновременно, по-видимому, не состоящего на монастырской службе. Стоит при этом напомнить, что социальный статус всякого человека был в этот период тесно связан с его обязанностями как налогоплательщика, и если «жилицам» Гладышевой и Копотовой беспокоиться было не о чем, то, платили ли подушную подать упомянутые выше души мужеского пола, требует дальнейших разысканий.

Еще один аспект проблемы сословности – это взаимоотношения между различными социальными группами и сословиями. Изучение повседневной жизни провинциального Бежецка, представленное в книге 2006 года, дало основание предположить, что границы между ними были далеко не столь непроницаемыми, как это представляется, исходя из соответствующего законодательства и стереотипов классового противостояния, навязанных школьным образованием советского времени. Речь в данном случае идет не о социальной мобильности, а о постоянном взаимодействии и коммуникациях между дворянами и горожанами, горожанами и крестьянами, духовенством и горожанами на бытовом, повседневном уровне. Иначе говоря, речь идет о том, в какой степени сословная принадлежность определяла повседневность. Дополнительный материал к этому сюжету дают опять же книги протестов векселей, а также судебные дела о взыскании долгов. Приведу несколько характерных примеров.

В 1773 году в Бежецкий городской магистрат обратился поручик Гаврила Вельяминов-Зернов, который сообщил, что тремя годами ранее он выступил поручителем по векселю на 1000 руб., выданному отставным капитаном Назаром Бачмановым бежецкому купцу Якову Трофимовичу Пономареву. Позднее Пономарев перевел вексель на другого бежецкого купца – Семена Леонтьевича Попова. Между тем Бачманов умер; Зернов уплатил Попову деньги и теперь требовал описать и продать имущество покойного – имение в Бежецком уезде. Магистрат немедленно принял дело к исполнению и в соответствии с установленным порядком послал промеморию в воеводскую канцелярию, откуда были направлены должностные лица для описи имения покойного Бачманова. И тут выяснилось, что у того остался наследник – родной брат, поручик Игнатий Петрович Бачманов, который уже успел забрать себе часть имущества старшего брата. Спустя несколько дней Бачманов-младший прислал

в магистрат челобитную, в которой сообщал: в экономическом селе Молокове он встретился с Яковом Пономаревым и спрашивал его о долгах брата, «на что оной Пономарев мне именованному при свидетелях – бежецких же купцах Никифоре Иванове сыне Ревякине, Василье Иванове сыне Чмутине – и объявил, что де я брату вашему денег никогда не даывал и векселя от него не требовал, а как де оной вексель писан про то де я не знаю, а пришел де ко мне в дом мой бежецкой помещик отставной порутчик Гаврила Михайлов сын Вельяминов Зернов, да бежецкой воеводской канцелярии канцелярист Степан Андреев сын Попов просил де меня, чтоб на оном векселе подписать верующую на имя вышепоказанного купца Попова надпись, почему де я оную надпись и подписал по прозьбе вышепоказанного Вельяминова Зернова и Попова»²³. Следует отдать должное магистрату, который быстро разобрался, в чем дело. Оперативно опрошенные Пономарев и Чмутин показали, что подобного разговора с поручиком никогда не было.

Прежде всего обращает на себя внимание, что Бачманов одолжил у Пономарева огромную по тем временам сумму, на которую можно было купить неплохое имение. Так, к примеру, в том же 1770 году бежецкий помещик подпоручик Прокофий Иванович Фомин занял 550 руб., оговорив в векселе, что они нужны ему на покупку «сельца Печкова со крестьяны»²⁴. Примечательно, конечно, и то, что Пономарев располагал подобной суммой, а Бачманов-младший в своем ложном челобитье указал не только кредитора своего брата, но и вполне реальных лиц – Чмутина и Ревякина, правда, спутав при этом Семена Леонтьевича Попова с его однофамильцем канцеляристом Степаном Андреевичем, тоже реально существовавшим человеком. Таким образом, местные помещики и жители города оказываются людьми, хорошо знавшими друг друга и находившимися в постоянной коммуникации.

Другое дело, относящееся к 1735 году, обнаруживает еще более тесное переплетение связей между различными сословными группами. Секретарь Камер-коллегии (то есть центрального ведомства, находившегося в Петербурге) Гурий Васильев пожаловался в Бежецкий магистрат, что пятью годами ранее бежечанин Павел Иванович Неворотин занял у него и до сих пор не вернул 15 руб. При этом представлять свои интересы в магистрате он доверил своему племяннику «села Лозева горы дьячку Федору Макарову сыну Васильеву»²⁵. Таким образом, участниками дела стали представители сразу трех социальных групп.

Три социальные группы представлены и в деле 1753 года, когда в Бежецкий магистрат обратился Афанасий Кривоपालов, слугитель Андрея Тимофеевича Тютчева. Пятью годами ранее бежечанин Матвей Завьялов выдал вексель на 112 руб. вахмистру Афанасию Якимовичу Бешенцову, а тот перевел его на Кривоपालова²⁶.

²³ РГАДА. Ф. 709. Оп. 1. Д. 375. Л. 3–3 об.

²⁴ Там же. Д. 367. Л. 55 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 709. Оп. 2. Д. 516. Л. 1.

²⁶ Там же. Д. 979. Л. 1–8.

В 1770 году магистрат рассматривал дело по челобитью канцеляриста Бежецкой воеводской канцелярии Петра Кузьмича Воинова о взыскании долга с помещика Платона Минича Попуцкого. Тот еще в 1755 году (!) выписал вексель на 350 руб. на имя бежецкого купца Василия Шишина, который был переведен на Воинова. За 15 лет с процентами и рекамбиями²⁷ сумма долга выросла до 1148 руб. с копейками, а должник успел умереть. Иск был предъявлен его наследнику отставному капитану Григорию Попуцкому – брату покойного, чье имение в результате было описано и продано с торгов²⁸. Также в 1772 году было продано имение капитана Митрофана Митрофановича Валмасова, который за четыре года до этого одолжил у уже упоминавшегося бежецкого купца Семена Попова аж 1800 руб. «на заплату родителя ево углицкого помещика надворного советника Митрофана Гаврилова сына Валмасова долгов». Примечательно, что имение Валмасова находилось не в Бежецком, а в Угличском уезде, но при этом в момент рассмотрения дела он находился в Бежецке²⁹. Последняя деталь примечательна в том отношении, что позволяет предположить: Валмасовы были членами того, что можно назвать бежецким локальным сообществом, объединявшим представителей самых разных социальных групп.

Число подобных примеров, в том числе обнаруживающих связи горожан с крестьянами и духовенством, можно умножать до бесконечности, но очевидно, что и реальная социальная структура русского общества XVIII века, и стоящие за ней взаимоотношения, собственно и составлявшие суть того, что именуется «социальными отношениями», – это в значительной мере еще *terra incognita*, огромное поле для дальнейших исследований.

²⁷ Рекамбия – система предусмотренного вексельным уставом накопленного способа начисления процентов на проценты при досрочной уплате по обязательствам, а также пеня за неплатеж по векселю в срок.

²⁸ РГАДА. Ф. 709. Оп. 1. Д. 334.

²⁹ Там же. Д. 380. Л. 1–5.